

Лесные поселки вроде тех, что носили названия Харитоново, Семиречное, Тесовая, Восточное, Западный, Мотьма, Рябово, - пристанища репрессированных. В основном «переселенцы» заготавливали древесину.

...Этот длинный список фамилий составил Станислав Микке, уполномоченный польской делегатуры в поселке Харитоново. Доверие такое ему оказали в январе 1942 года многие сосланные на Север соотечественники. Другими словами, Станислав Юзефович был полномочным представителем Польского посольства - здесь, в Сольвычегодском районе. А правильное - делегатом, ответственным за человеческие жизни и судьбы. Распределение продуктов, одежды, медикаментов также входило в его обязанности. И он старался, чтобы всё делалось по справедливости. Обращаясь к своему руководству в Котлас и Архангельск, Микке описывал всё, как есть. И просил всяческую помощь - возможную и невозможную. А всё для того, чтобы облегчить страдания ссыльного польского населения. Так, в одном из писем в марте 1942 года он подтвердил получение денег для помощи остроножающимся людям. И тут же высказывал мысль: надо собрать полную информацию и поставить на учет всех польских детей, среди которых имеются и сироты. А они есть и в Котласском детдоме, и в Сольвычегодске, и в округе. Это - наш гражданский и человеческий долг.

Случалось, пан Станислав высказывал претензии служащим комендатуры: «Вы должны нас обеспечить... Обязаны...»

Неудивительно, что за ним установили слежку. Ну разве не подозрительны факты его обращений в разные инстанции? Как и крайняя обеспокоенность Микке о соотечественниках. Фиксировался каждый его шаг. Тем более, когда Микке выезжал по делам из своего Харитонова в Сольвычегодск и Котлас. Тщательно отслеживалось, с кем он там общался, что говорил, куда и какие письма посылал...

Наверное, пан Сташек об этом догадывался, но не прекращал (просто не мог!) своей деятельности. И цель перед собою поставил: надо «как можно быстрее ...вернуть людям свободу». Узнав, что где-то в окрестностях Коряжмы, в поселке Борки, живет одинокий поляк, Микке тотчас же просил навести о нём справки: недопустимо, если человек останется без помощи соотечественников. Нам надо держаться друг друга, рассуждал пан Станислав, иначе никому не выжить. Мы сильны, когда вместе.

И в июле 1942 года заверял представителя делегатуры посольства Польши в Архангельске: поймите меня правильно - никогда не писал панических писем! Но обстановка вокруг «может сломить даже самого сильного» - отсюда и беспокойство.

А о себе говорил так: «всегда был дисциплинированным солдатом, гражданином», никогда «не был дисциплинированным невольником». Единственно, что тяготит: погибнуть, скорее всего, придется не в борьбе с врагами, а в «тайгах Севера». Действительно, болезнь давала о себе знать. Туберкулез. «Правда, в моих годах можно с ним бороться, но нужны другие условия».

... / ... // [. , 28
. 2005 .]. - , 2006. - . 58-61.

Ноговицын Владимир Валерьевич
Журналист, член Союза писателей России
гор. Коряжма

СЫН СВОЕЙ ОТЧИЗНЫ (История одного поиска)

Неожиданный звонок. На проводе - Варшава... Приглушенный пожилой голос. «Я - Владзимеж, сын Станислава Микке...» Микке?... В памяти всплыли виденные когда-то документы военной поры, в которых эта фамилия появлялась чаще других. Архивно-следственное дело №... Несколько пухлых папок с подшитыми бумагами - материалами допросов. Жуткое чтение, после него - ощущение опустошенности. Будто чужая беда коснулась и меня своим черным крылом. Представилось: котласская тюрьма, полусырая камера, серые стены, сумрак...

В папку был вложен плохо пропечатанный снимок. На нем - скорее силуэт, чем портрет мужчины...

Репрессированных на Архангельский Север поляков насчитывалось десятки тысяч. Их доставили сюда в основном из Западных Украины и Белоруссии, территорий, присоединенных в 1939 году к СССР. В чем заключалась конкретная вина этих людей перед страной Советов? В том, что недавно жили в другом государстве, служили в другой армии, говорили на другом языке? Чем провинилась семья Микке, в которой было четверо разновозрастных детей?

И опять Микке отбрасывает личное как не главное, несущественное на данный момент. Народ интересуется: когда выдадут выездные документы, предоставят долгожданную свободу? Неужели так называемая амнистия 1941 года не повлияла на принятие решения? «...Легче переносить ярмо неволи, если знать, что это нужно для Отчизны. Но если это - каприз НКВД, опирающийся на подозрения или на подлых клеветы его конфиденентов, которых в каждом поселке, к сожалению, мы имеем...». С нами обращаются «как с невольниками, которые должны работать на условиях заключенных»... И в этом, и в других своих посланиях Микке неосмотрительно откровенен. А ведь должен бы догадываться: вся переписка проходит обязательную перлюстрацию. И что каждое его послание аккуратно воспроизводится на русском. «Переводчица - Полишук», - значит в конце отпечатанного на машинке текста. «Полишук» - как согладалай...

В принципе, Микке знал ответы на свои вопросы. Кому задерживают выдачу документов? Тем гражданам, которые «даже в неволе старались быть лучшими поляками и поддерживали дух других». Кстати, эта фраза подчеркнута карандашом оперативника. «Нам даже нельзя исполнить святого долга во имя отчизны: с оружием в руках защищать родину в рядах армии. Может ли для поляка быть что-нибудь более унижительного?!» Не на отдых просилось большинство оказавшихся на Севере людей - в армию Андерса, формируемую для борьбы с фашизмом.

Еще раньше Микке предлагал устроить в котласский совхоз несколько семей: всё получше будет с питанием, а то «получить картошку, молоко в деревнях стало невозможно, цены на продукты на рынке стали невероятно высокими». Да еще эти вычеты! «За последнее время почти все должны были подписаться на заем 2-месячного заработка, не меньше»...

Недовольство советскими властями в посланиях делегата мало кому могло понравиться. Тем более возмущение действиями районного коменданта Торопова, который на виду у ссыльных пил «горькую» и развратничал...

В 1943-м Микке арестовали. Формулировка: за отказ получения советского паспорта. На то, что он - был и есть гражданин великой Польши, никто не посмотрел. Какая Польша, где она, эта Польша?! Если даже в протоколах допросов стенографист неизменно писал: «б. Польша», то есть бывшая. Нет, дескать, такой страны и в помине не существует. Микке же упрямо доказывал обратное: была, есть и будет! Не погибла и не погибнет!

...Сольвычегодский суд наскоро приговорил его к двум годам заключения. Но этого властям показалось мало. Немного погодя в числе еще 11-ти поляков Микке инкриминировалось участие в тайной «шпионской организации». А это уже серьезная 58-я статья Уголовного Кодекса... Значит, еще 10 лет тюрьмы...

Впрочем, материалами следствия виновность так и не была доказана. Зато на протяжении почти полутора месяцев «упрямого» поляка регулярно выводили на допросы. Каждый день, точнее - каждую ночь. С заключенного требовали подтвердить связь с антизаконной, противоправной «организацией». Тот, разумеется, всё отрицал.

Тогда в камеру № 11 котласской тюрьмы УН НКВД № 2 посадили «слухача». Молодой парень не особо-то мучился угрызениями совести. Ведет антисоветские разговоры (неслыханно: «на польском языке!»), докладывал он о Микке. Более того: плохо отзывался о наших советских вождах. В общем, из числа «особенно резко враждебно» настроенных граждан...

Может быть, докладывающему (точнее - закладывающему) не понравилось, что Микке в разговоре прямо назвал его продавшимся за «цигарку табаку». Интуитивно догадывался, кто на самом деле находится перед ним. Надо иметь гордость, упреждал пан Станислав, так нас легко «заставят признать все 14 пунктов 58-й статьи».

Однако подписать оговор самого себя Микке всё же пришлось. Непросто выдержать эти изнурительные ночные допросы, похожие на одну затяжную пытку. Это ж какие стальные нервы надо иметь, чтобы выдержать этот кошмар! Силы у него были на исходе...

Да, агент иностранных разведок, грустно подтвердил он, только скажите - какой именно... Даже в этом безвыходном положении он явно издевался над своими мучителями.

Из документов, долгое время хранившихся под грифом «Совершенно секретно» в архиве областного управления ФСБ, стало известно: из Котласа польский уполномоченный переведен в архангельскую тюрьму. Там-то навсегда обрываются его следы. И жизнь обрывается...

...Несколько лет назад племянник С. Микке - старшего - известный польский адвокат и журналист пан Станислав (в честь дяди!) - привез в Котлас табличку. Обычно такие прикрепляют к надгробиям. А эту прикрепили к живому дереву на мемориальном кладбище Макариха. У креста, установленного правительством Польской Республики в честь жертв ГУЛАГа.

...Фамилия, имя, дата - 1898-1943 гг. Всё, что осталось от верного сына своей Отчизны. Немного, в общем-то.

Деревья живут дольше людей...

Но еще длиннее, прочнее, устойчивее бывает благодарная человеческая память...